

НАТАЛИ ЛАВРУ

Разлог

18+

ПО ЛЮБВИ

Натали Лавру

Развод по любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67615013

SelfPub; 2022

Аннотация

С вами когда-нибудь разводились из-за того, что слишком сильно любят? Со мной вот – да. И где, спрашивается, хваленая мужская логика?

В отличие от всяких там козлов, я грязью в лицо... Ой, то есть в грязь лицом не ударю. Да, больно. Расставание – это вам не старую куртку выбросить. Расставание – это маленькая "С".

И, нет, не надо мне тут приползать с раскаянием. Любовь, которую предали, умирает. А если и не умирает, то притворяется таковой.

Ну а что я? Я всё по жизни делаю с любовью. Даже развожусь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Скромное начало семейной жизни	13
Глава 2. Где всё не так, как хотелось	21
Глава 3. Новые горизонты и манящий блеск славы	30
Глава 4. Рисковые забавы	44
Глава 5. Разбор полётов и поездок, или всё тайное...	62
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Натали Лавру

Развод по любви

Пролог

Начну свой рассказ с конца, а потом объясню, как дока- тилась до жизни такой.

Утро не было добрым. Первым, что я увидела, открыв гла- за, был дрыхнувший на моём диване... нет, не Костя. Ибо муж у нас, как говорят, объелся всем известных фруктов и сдул- ся. Но об этом потом.

Герман Маркелов! В прошлом звезда школы и ванильная мечта всех девчонок. Красавчик с пластмассовой улыбкой, который гнобил меня, тыкал лицом в грязный сугроб и знат- но попортил мне репутацию.

Только с тех пор прошло два с лишним года, и мы уже не школьники. Я – первокурсница в педагогическом универси- тете, а Маркелов... он такой же неудачник, как ваша покор- ная рассказчица. Ибо из техникума и из дома его выгнали, а одним успехом у баб сыт не будешь.

Как этот кобелина драный оказался в моей постели, я и сама толком не помню. Вроде бы я шла с работы, мне по- плохело, а он мимокрокодил... В общем, меня довели до до- ма, потом надавили на жалость, якобы бедному красавчику

некуда пойти, мир несправедлив и тому подобное.

В маленькой квартирке-студии, где я жила с недавних пор, был только один диван. Как-то я не подумала об этом, когда соглашалась впустить страдальца к себе. Видимо, голова после вечерней смены в кафе совсем не варила.

Ах, какая же я дура, что сжалилась над Маркеловым! Он оттаял с улицы, освоился у меня дома... и активизировался, гад! Всю ночь не давал спать. Теперь мне белый свет не мил.

Тут ещё в дверь звонят. Дружок, мой верный гигант-пёс, громким «Вуф! Вуф!» возвестил о том, что нелёгкая принесла кого-то по мою душу. С самого-то утра...

– В дверь звонят... – сонно простонал Герман.

Спасибо, кэп.

– Ты мне всю ночь спать не давал, так что сам иди и открывай, – тоже сонно, но вдобавок сердито ответила я.

Маркелов не пошёл.

А раз гора не идёт к Магомеду, Магомед сам пойдёт к горе.

У того, кто звонил в дверь, были ключи. И Дружка моего этот кто-то не боялся.

Нелёгкая принесла Костю.

Я даже голову от подушки оторвать не успела, как Маркелова схватили за блондинистые патлы, сбросили с дивана на пол и съездили ему по морде.

М-да, похоже, у него и утро, и ночь выдались ещё кошмарнее, чем у меня.

– Твою ж мать! Да что ж такое... – заскулил Маркелов и обратился ко мне с претензией: – Ты же говорила, что у тебя нет мужа?

– А его и нет, – ответила я, разглядывая своим максимально безмятежным взглядом того, кого нет.

– А это кто тогда? – всё ещё хныча от боли, вопрошал Маркелов. – Бабушка Зина?

– Ага. Вернулась из магазина... – в рифму продолжила я. Всё-таки отважный чел этот Маркелов. Приставать ко мне ночью, не побоявшись Дружка. Обозвать Костю бабушкой Зиной... Была б я наивной девочкой-припевочкой, млела бы от его шуточек и фотку его на иконостас поставила, чтоб молиться перед сном. Ну, или на заставку телефона, это сейчас модно.

Но уж кто-кто, а я прошла охрененно тернистый путь от бродяжки-форточницы до жены чинуши из правительства, так что наивность – это не про меня.

Я перевернулась на спину и отрешённым взглядом уставилась в потолок. Мне всё до лампочки и выше.

– Наташа! – слышалось строгое. – Что здесь делает этот... – Костя запнулся, не стал озвучивать, кем считает Маркелова. – И почему на диване кровь?

– Тебе какое дело? – фыркнула я. – Ты, козёл, меня бросил, так что топай отсюда, а я сама разберусь, – тут я вспомнила, что было ночью, и захохотала в голос.

– Что смешного? – крайне озадаченно спросил Костя.

– У-у-у, не могу... – я свернулась в клубок и стучала себя кулаком по колену.

– Ничего смешного! – обиженно простонал Маркелов. Он по-прежнему кособоко, на одном полупопии, сидел на полу и боялся пошевелиться, потому что Дружок плотоядно смотрел на него и скалился.

– Наташа, ты объяснишь мне, что здесь происходит? – снова Костя со своими выяснениями.

– Этот debil попытался пристать ко мне ночью и получил от меня по яйцам. А Дружок ему задницу прокусил... – задыхаясь от смеха, ответила я.

– Лучше б я на улице остался ночевать, чем с тобой и твоим живоглотом, – пожаловался Маркелов.

– Я тебя, дерьмо собачье, из жалости приютила. Если ты ещё хоть раз в жизни пристанешь ко мне, я тебя вообще оскоплю и на завтрак твои же причиндалы пожарю! Понял меня? – от души пригрозила я.

Костя посмотрел на Маркелова так, будто снова вот-вот набросится с кулаками.

Герман выставил ладонь вперёд, как бы показывая, что не надо его бить.

– Ты-ы это... мужик, не кипятись. Не было ничего у нас. Я для приличия только приставал. Она сказала, что вы это... расстались. Откуда ж мне было знать, что она... такая, – какая такая, он уточнять не стал.

Я-таки оторвала голову от подушки. Перед глазами всё

поплыло. Шею словно дубасили скалками всю ночь, даже поворачивать больно. Спина будто не своя. Последствия роковой травмы, чтоб её... И, главное, сколько будет продолжаться это испытание болью – неясно. Если до конца жизни, то лучше застрелиться.

– Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались... – саркастически пропела я. – А теперь выметайтесь оба. Слишком большая концентрация козлов на меня одну.

Маркелов неудобно пошевелился и застонал. От боли у него прошибло слезу.

Ну и как его отпустить в жестокий мир, такого умирающего? Эх, почему-то моя сострадательность всё время выходит мне боком.

– Снимай трусы, посмотрю, что там у тебя, – сказала я Маркелову.

– Я не буду снимать трусы при нём! – в ужасе воскликнул Герман, показывая на Костю.

– А вдруг гангрена начнётся? Задницу тебе отрежут, и будешь, как Кощей, костями греметь, – обрисовала я ему перспективы. Страшать я мастер. – Девки клевать перестанут, – и обратилась к Косте: – А ты пока можешь Дружка выгулять.

Маркелов хохотнул сквозь слёзы:

– Так он за этим к тебе и пришёл – дружка выгулять?

Я лягнула его по укушенному месту, и он завопил, как под пытками.

– Поговори мне ещё. Шутник нашёлся, – пригрозила ему.

Дружок многообещающе зарычал и приготовился снова наброситься на жертву.

– Дружок, фу! Не тронь каку! – скомандовала я.

Костя наотрез отказался уходить.

– Я пришёл поговорить с тобой о нас и застал тебя с этим... – процедил он.

– Ты. Меня. Бросил! – отчеканила я. – Тебе ли меня осуждать?

– Скажи, у тебя с ним что-то было?

– Да как ты смеешь спрашивать?! – кажись, кое-кто довёл меня. – Я, в отличие от некоторых, не настолько сошла с ума от одиночества, чтобы прыгать на всё, что движется в мою сторону!

– Э-э, я вообще-то ещё тут, – напомнил Герман, зажатый в углу скалящимся Дружком.

Я храбро преодолела боль, каким-то чудом поднялась на ноги и увела Дружка в ванную. Выгуляю сама. Позже. Когда разберусь с козлами.

Создатель! Где же я так нагрешила, что ко мне липнут одни... хм-гм.

Пока я обрабатывала в попу раненого Маркелова, он стонал и извивался, будто его пытаются раскалённым железом. Укушенная ягодица у него опухла и налилась брусникой.

– Я, конечно, не хочу тебя пугать, но... – я коварно выдержала драматическую паузу. – Дела у тебя плохи.

– Что? – встрепенулся он. – Что там?

– Дружок откусил тебе кусочек задницы... – нагнела ужаса я. – Но ты не переживай. Вот свожу его погулять и, может быть, удастся выковырять пропажу из фекалий.

Маркелов взвыл. То ли от осознания, что кусочек его красивой плоти сейчас путешествует по Дружковым кишкам, то ли от ужаса перед физическим несовершенством. Кому он такой покусанный нужен-то?

Мне ни капельки его не жаль. Когда Герман с приятелем скрутили меня и натыкали носом в облитый машинным маслом сугроб, им было по фигу, что мне больно, что мой пуховик безнадёжно испачкался. И, главное, ни за что ни про что! И вот, спустя два года, я отомстила. Непреднамеренно, конечно, но всё же...

Кайф!

Смотрю вот на голую истерзанную Маркеловскую задницу, сижу аки госпожа над рабом и орудую. Чуть в сторонке за мной зорко следит Костя. Нервничает.

Потешная, должно быть, картина.

– Надо в больницу, – констатировала я. – Но сначала я выгуляю пса.

– Я с тобой, – сказал Костя.

– Пф! Сдался ты мне! Когда надо, тебя не допросишься, а когда не надо... – и я махнула рукой. Нечего мне перед всякими свиньями бисер рассыпать. Вот была бы я криворукой фермершей-рукодельницей – тогда другое дело.

Я оставила Маркелова отлёживаться на диване, взяла

уличную одежду, переделалась и привела себя в порядок в ванной.

Костя увязался за мной на улицу.

– Мы не договорили, Наташа, – снова заговорил он. – Ты помнишь, какой завтра день?

– День, когда нас официально разведут, – ответила я. – Только чего ты сегодня припёрся, я не понимаю.

– Я понял, что не могу без тебя, – признался он.

Мне захотелось заорать матом на весь двор. Передумал он разводиться, видите ли. Да какого хрена вообще? Я тут по круплицам себя собирала два месяца, а он притащился весь такой жалкий и обратно зовёт! Ну не козёл, а?

– Знаешь, мне очень повезло... – завуалированно начала я. – У меня есть верный пёс, который любит кусать за задницу всяких там козлов.

– Наташа, я серьёзно... – вздохнул он так тяжело, словно вся печаль мира легла ему на грудь.

– Другую дуру поищи.

Моросил противный дождик, и Дружок, сделав свои дела, охотно потянулся домой. За нами зачем-то опять увязался Костя. И чего пристал?

Я заперла пса в ванной, чтобы Маркелов мог спокойно одеться, и мы снова вышли.

– Я подвезу, – сказал Костя, а мой звезданутый бывший одноклассник охотно сел в машину. Точнее, рыбкой занырнул на задние сидения, чем вынудил меня сесть спереди.

Вообще я могла бы остаться дома, но всё-таки я в ответе за то, что натворил мой пёс.

В приёмном покое сидела прехорошенькая, но образцово строгая медсестричка. У Германа тут же загорелись глазищи, и мы с Костей перестали для него существовать. Ну вот и всё. От одного козла избавилась, теперь остался второй, некогда разбивший мне сердце.

Глава 1. Скромное начало семейной жизни

Пятого июня две тысячи десятого года мы с Костей расписались. Я, восемнадцатилетняя школьница, и он, мой бывший попечитель, тридцати четырёх, почти тридцати пяти лет от роду.

Да-да, я та самая сирота детдомовская, которая влюбилась в своего попечителя. Добивалась его всеми правдами и неправдами, и вот итог.

Свекровь, Светлана Георгиевна (Изверговна), несмотря на обещания умереть сразу после нашей свадьбы, жива-живёхонька.

– Только через мой труп! – кричала она Косте, когда тот сообщил ей о нашей предстоящей свадьбе.

Но ничего, мы это дело пережили и расписались. Тихо, без свадебных нарядов, гостей и дебильных выкупов невесты. Мне весь этот цирк не нужен, а Костя уже был женат, и любителем пышных торжеств его не назовёшь. Его первая жена, Юля, погибла, когда ехала в такси со свадьбы подруги.

Так что мы ограничились «джинсовой» росписью на студенческий манер.

В ЗАГСе мимо нас сновали невесты в пышных белоснежных платьях, ловящие каждый невестин шаг фотографы и

приглашённые на чужие свадьбы гости, все как на подбор на каблуках и разодетые, будто на конкурс красоты для тётечек. Мужчины в пиджачках чувствовали себя неудобно, сразу видно, не привыкли носить официальную одежду.

В общем, популярные ныне пышные, взятые в кредит свадьбы, – это мероприятие, где каждый становится немножечко не собой. Этакий бал-маскарад с заранее выбранными королём и королевой.

А вот мы решили обойтись без праздника. Любовь, она ведь временем проверяется. Да и стыдно мне, школьнице, понтоваться. Я и так счастлива до безобразия, что добились-таки своего мужчину.

Сколько было страданий...

Непростое это дело – отваживать баб от своего попечителя. Он же не подозревал, что у меня к нему чувства. Я упорно ждала, пока мне стукнет восемнадцать, чтобы признаться ему.

И вот, сбылось.

На росписи настоял Костя. Для меня свадьба вообще была чем-то из разряда запредельного и нереального. Ну, кому нужна невоспитанная сирота? Костина мама, к примеру, выступила резко против. Но раз уж мой любимый мужчина предложил, то глупо отказываться.

Неторжественная церемония – вжух! – и пролетела. Я даже не успела понять, что всё, прощай, девичья фамилия. Свидетельство о заключении брака было убрано в специаль-

ный чехол для сохранности, а мы отправились в ресторан. Прямо в джинсах, да.

На правом безымянном пальце у меня блестело колечко – первое украшение в моей жизни. Символ кардинальных перемен. Теперь взамен бывшей бродяжки и воровки-форточницы Наташи Пестовой появилась Наталия Зорина, чётко знающая, что ей нужно от жизни и как этого добиться.

Говорят, смена фамилии меняет человека и его судьбу. В моём случае произошли не просто перемены – метаморфозы! В чём-то Костя был прав: мне как-то слишком быстро пришлось повзрослеть.

Но обо всём по порядку.

– Наташ, прежде чем расширять нашу семью, я хочу, чтобы ты выучилась, – сказал мне Костя.

– Без проблем, – ответила я.

Быть беременной школьницей для меня ещё большая стыдоба, чем быть замужней школьницей.

Вон, Танька, моя подруга и бывшая соседка по детдому, родила в шестнадцать, и что хорошего? Теперь она сама себе не хозяйка, а чтобы строить личную жизнь, ей приходится изгаляться из последних сил.

А я ещё не пожила толком. У меня по сути не было детства, и вряд ли прямо сейчас из меня выйдет хорошая ресурсная мать.

Так что Костя прав. Хотя ему-то почти в тридцать пять пора задуматься о детях. И если его слова про мою учёбу

– это такая жертва, то ничего хорошего из нашего союза не выйдет. А уж если под словом «выучилась» он имел в виду не только школу, но и универ, то вообще туши свет. Пять-шесть лет – это долго.

Но ничего, разберёмся. В конце концов, существует заочная форма обучения в ВУЗе.

А сейчас – самое время наслаждаться жизнью.

Медового месяца у нас не было.

Во-первых, Костя по выходным ездил к маме в деревню – помогать с огородом. Светлана Изверговна после нашей с Костей свадьбы особенно жаловалась на здоровье, но притворные хвори не мешали ей выращивать никому не нужные овощи в промышленных масштабах.

Я в деревню не ездила. Зачем мне? Выслушивать, какая я пигалица? Да и копанье на грядках – это не моё.

С прошлого года я волонтерю в доме малютки, куда меня однажды зазвала подруга Танька. Как-то я уже привыкла быть ходячим праздником для детей. И приятно это – видеть, как сиротки радуются, смеются, играют.

Говорят, эмоциональная вовлечённость в играх с детьми творит чудеса. Что ж, делать добрые дела приятно, а чудеса вершить – вдвойне.

Так я и проводила свободное время: волонтерство, тренировки по скалолазанию и хождение по гостям. Так уж повелось, что быть приглашённой в гости – это для меня радость

и честь.

Ошибочно думать, что раз я круглая сирота, то у меня нет близких. Каким-то чудом у меня сложились родственные отношения с родителями Юли, первой Костиной жены.

Елену Николаевну, Юлину маму, я полюбила сильнее, чем свою родную. Моя мать однажды чуть не убила меня розочкой от бутылки, настолько у неё атрофировались мозги от алкоголизма.

И вот у осиротевших Юлиных родителей появилась сначала я (в качестве просто родственной души), а потом моими стараниями они усыновили Гульнару и Арслана, сестру и братика. Меня бы они тоже забрали в семью, но, во-первых, мне на тот момент уже исполнилось семнадцать, во-вторых, моим попечителем был Костя. Но разве для близких отношений нужны бумажки?

В июле наша компания скалолазов снова отправилась в Карелию на скалы.

Памятуя о прошлом печальном опыте, когда сорвавшийся с вершины камень зажёг мне звезду во лбу, Костя боялся меня отпускать.

Так и сказал: «Я тебя без присмотра никуда не отпущу!»

Сам он плотно занимался на работе каким-то супермегаважным проектом и об отпуске даже не помышлял. Максимум можно было вырваться куда-нибудь на выходные (например, к маме в деревню).

И такая я ходила разнесчастливая целую неделю из-за того, что мне не разрешили ехать... Свежее молоко в холодильникекисло. Цветочки на подоконнике загрузили. Дружок в который раз сгрыз Костины тапки и повалился линяющей спиной на его свеженаглаженных брюках... И поделом! Щенок у меня смышлёный, знает, где можно нашкодить, а где не надо.

Неделю Костя терпел. Пыжился, но делал вид, что его моё уныние не колышет, а хаос в доме – это дело житейское. А потом внезапно сдался. Ну, как внезапно... когда Дружок сделал дополнительную перфорацию на Костиных любимых ботинках.

– Ну, ладно, – тяжело вздохнул он. – Езжай. Только не убейся там.

– Уи-и-и! – взвизгнула я и подпрыгнула на постели. – Спасибо! Вернусь живая и здоровая. Обещаю!

– Очень на это надеюсь, – он уже был не рад, что согласился меня отпустить. Разве у меня хоть когда-нибудь было всё сладко да гладко? – Когда отъезд?

– Девятого числа в семь вечера, – ответила я. – Дружка я с собой беру. Он будет меня защищать.

Костя кивнул. Пёс, хоть и мелкий пока, а уже рвётся защищать хозяев. Боевой растёт. Но шкодливый... Ему что тапки, что дорогие кожаные ботинки. И подушка – игрушка, и перья – снежинки. Так что две недели без зубастого демона – это, можно сказать, рай.

Собирали меня, как в последний путь. Новая палатка, новый спальный мешок, пенки, резиновые сапоги, консервы, собачий корм, термос, миски... И это ещё даже не половина. У меня сложилось ощущение, что Костя отправляет меня в Карелию на ПМЖ. Ну а на фига мне на две недели целый вагон вещей? Забыть что ли один чемодан дома? А то ребята посмотрят на меня, как на дурочку с переулочка.

В назначенный день Костя по списку проверял, всё ли я взяла. Заныканный мной в платяной шкаф чемодан с бесполезной, на мой взгляд, мелочёвкой, был найден и присоединён к остальному багажу. Вот ведь... незадача.

Атмосфера в нашем автобусе витала такая... особенная, предвещающая нездоровое веселье.

Саша, наш тренер, рассаживала всех по местам и подсказывала, куда закинуть багаж. Её кровожадная собачонка Боня надрывала глотку сидя в переноске.

Увидев, что я тоже взяла в поездку пса, Саша сначала закатила глаза, а потом рассмеялась.

– Если в этот раз твой собакен тяпнет меня за нос, то я так легко, как ты, не отделаюсь, – сказала она, припомнив, как её Боня год назад вцепилась мне в нос и проделала в нём дырочки для пирсинга.

– Не, – отмахнулась я, – Дружок у нас добрый, – а себе под нос тихонечко пробубнила: – но, вообще-то, не очень...

«Ваф!» – тьякнул мой щен, услышав, что говорят про

него.

Ярик, наш глубоко ценимый (и зачастую гонимый) поэт и певец, сидел с вдохновлённым лицом. Видимо, готовил новую порцию песенок из народного фольклора.

Дима, Танин парень, в этот раз с нами не ехал. Моя подруга не пустила его, и он усиленно вкалывал аниматором в семейной пиццерии, копил на свадьбу, о которой мечтала Танюха.

Эх, был пацан и нет пацана. Убыло в нашем полку.

Толик, который некогда пытался приударить за мной, уже свыкся с тем, что я окольцована, но всё ещё стеснялся смотреть в мою сторону.

Неужели я всё ещё нравлюсь ему?

«Ой, что-то будет», – профырчала моя филейка.

– Ну что, в путь? – хлопнула в ладоши Саша и махнула водителю, чтобы трогал.

Я помахала провожавшему меня Косте в окошко и отправилась навстречу приключениям. А в том, что они будут, сомневаться не приходилось.

Глава 2. Где всё не так, как хотелось

Цирк заказывали? Нет? Ваши проблемы. Клоуны уже здесь.

Ярик с Толиком набрали с собой в дорогу горячительных напитков и принялись вызывать зелёного змея, как только автобус отправился в путь. Выпивку разлили по термосам, поэтому Саша заметила неладное, только когда по салону пополз характерный запах.

– Вам, что, до лагеря было не потерпеть, алкашня? – заругалась наша тренер. – Как дети малые!

– У меня, между прочим, каждый день на вес золота, – с трудом ворочая заплетаящимся языком, заявил Ярик. – Меня осенью в армию забирают. Так-то!

Ярик в этом году окончил строительный техникум и поступил в университет на заочное отделение, но планы пришлось перекроить из-за внезапно ворвавшегося в развесёлую жизнь военкомата.

– И меня забирают... Ик! – добавил Толик. – А у меня... Ик! Даже девчонки нет. Ждать... Ик! Никто не будет, – и обиженно покосился на меня.

Тут Ярик словил вдохновение и запел:

Ты отказала мне два раза!

«Не хочу», – сказала ты.

Вот такая вот зараза

Девушка моей мечты!

Хоба! – и он задрал ногу вверх на манер канкана.

– Вот чего ты опять начинаешь? Ик! Душу травмишь! Друг, называется, – обиделся Толик и по-детски выпятил нижнюю губу.

Ну, точно пупсик. Его бы, такого обижульку, к мамочке да в колясочку.

«Хорошо, что Костя с нами не едет», – подумала я, открывая окно, чтобы не задохнуться парами алкоголя.

Вроде взрослые парни, а как выпьют, кажутся дорвавшись до спиртного малолетками. Правильно им повестки выдали. Может, армия их перевоспитает?

Душевных игр, как в прошлую поездку, у нас не получилось. После пьяного буйства алконавтам поплохело. Сначала они пытались уснуть, а ближе к ночи им обоим приспичило по серьёзному, да так, что невтерпёж.

Игорь, Сашин парень, который был у нас водителем, остановил автобус на обочине трассы. Только вот кустов поблизости не было – одни поля. Хорошо, что дорога непопулярная и на ней почти всегда свободно.

Я сидела у окна справа и наблюдала, как ребята устраиваются по нужде в аккурат пред моими очами. Им, выпивохам-неумёхам, не до приличий. Вон, даже бумагу туалетную не взяли – так спешили. Ну, а мне нетрудно проследить, что-

бы они, голозадые, не свалились в канаву.

Не хотелось бы мне оказаться на их месте.

Может, скинуть им из окна пачку влажных салфеток? Тогда они поймут, что я за ними наблюдала. А это вроде как неприлично. Извращугой ещё обзовут...

Блин, что делать?

Нет, всё-таки, пожалуй, подойду к двери и пожертвую им предмет гигиены. Ради комфорта и благополучия всех нас.

Дружба, она такая.

Но встать и отойти к двери я не успела.

Сзади белёдые пятые точки парней подсветило светом фар проезжающей машины.

– Пацаны, атас! Машина сзади! – крикнула я в открытое окно.

Лучше всех в позе крабика умел бегать Ярик. Он подпрыгнул на месте и, не утруждая себя надеванием штанов, перебрался в темноту, прижавшись к обшивке автобуса, откуда запел:

И поносит меня! И поносит меня!

Сойду с унитаза едва-а ль...

Оставьте меня! Эх, оставьте меня!

В кишках у меня карнавал!

Толику повезло меньше. Во-первых, он был дальше от спасительной тени. Во-вторых, ему ещё нужно было перепрыгнуть Ярикову лепёху. В общем, со всех сторон засада.

Те, кто ехал сзади, заметили щекотливую картину, за-

медлили ход, съехали на обочину и несколько раз щёлкнули вспышкой фотоаппарата, запечатлевая раскорячившегося мечущегося Толика за естественным процессом, который тот был не в силах прервать, и уехали.

Тут уж я была бессильна помочь.

Дальше – больше. Пьяные друзья притащили в салон каку. Кто-то всё-таки наступил... Фекалии только первую минуту действуют, как веселящий газ. Потом наступает пресыщение, появляется желание убежать и помыться. А когда ты находишься в закрытом движущемся пространстве, это кошмар.

Саша кое-как попыталась затереть грязь влажными салфетками, но это слабо помогло.

Виновником зловония оказался Толик. Его силой заставили выйти из автобуса и вытереть подошвы о траву. Ибо невыносимо.

Дружок тяпнул раздосадованного Толика за ногу. Не до мяса, но до крови. Ибо у моего щенка аллергия на пьяненьких, как и у меня. Мы с Дружком вообще родственные души.

Толик заплакал. Не выдержал свалившихся со всех сторон неприятностей и попросил, чтобы его отвезли домой. Убивался горько, что жизнь его – та самая какашка, что никто его не любит, никто не приласкает...

Саша дала несчастному другу какую-то волшебную таблетку, после которой Толик уснул.

Ярик захрапел без посторонней помощи и даже подхихи-

кивал во сне. Вот ведь везучий. Ничто его не берёт.

Место нашего прошлогоднего кемпинга заняла другая группа скалолазов.

Мы, измотанные практически бессонной ночью, взвыли. Вот же ж!

Пришлось разбивать лагерь в кустах, по другую сторону от деревянного туалета, который был один на весь перелесок.

Новое место было кочковатое и не самое удобное для установки палаток, но деваться некуда. При желании можно где надо подкопнуть лопатой и выровнять землю.

Только вот с утра, сонные, мы шевелились еле-еле. Я так вообще забыла, как собирается палатка и что куда втыкается. А пока соображала, пошёл дождь.

М-да уж, как-то невесело началось моё главное приключение лета.

В первый день мы не ходили на скалы. Отсыпались и обустроивались.

Что сказать... в кустах нашлась голубика и немного костяники – вот и всё богатство. Как по мне, слабоватая компенсация за неудобное место.

Местечко, прямо скажем, не фонтан. Шаг вправо – комары. Шаг влево – крапива.

Но мы же стреляные вороны – справимся.

Вон, Ярик уже всюю воует с зарослями крапивы, разма-

хивает палкой, как каратист.

Звонил Костя, спрашивал, как мы добрались. Я ответила, что нормально, умолчав о алкогольно-зловонных подробностях. Нечего ему знать о молодёжных пьяных забавах. А то с него станется вернуть меня в душный пыльный город.

Дела стали налаживаться к вечеру.

Ярик с Толиком окончательно протрезвели и даже насобирали целую кучу валежника для костра.

– А что за понторезы заняли наше место? – спросил Ярик, который обратил внимание, что у наших конкурентов, помимо микроавтобуса со столичными номерами, есть ещё две элитные тачки, такие спортивные, низенькие, зализанные.

– Не знаю. Но, думаю, лучше к ним не лезть, а спокойно сделать их на всех скалолазных трассах, – ответила Саша.

– Это мы запросто! – просиял наш удачливый алконавт. Из всей нашей команды взбирание на скалы легче всего давалось мне и Ярику. – Натах, ты в деле?

– Ха! – в тон ему ответила я. – Плюнуть да растереть.

Нет, я вовсе не питаю презрения к богатеям, тут чисто спортивный интерес. Должен же мой богатый опыт ползанья по чужим форточкам сыграть свою роль. Не зря же я на восьмой этаж взбиралась по балконам. Тогда у меня была вполне конкретная мотивация: конфеты. Теперь же – победа. Растём потихоньку.

Так как вечер нужно было чем-то занять, мы с Сашей взяли собак и отправились на прогулку.

Дождь уже перестал лить, но осевшая на траве сырость липла к ногам. А я в резиновых сапогах, которые мне навязал Костя. Мне сухо. Может, он заранее что-то знал? Ага, прогноз погоды посмотрел. И на том спасибо ему.

Дружок решил, что Боня, Сашина чихухауа, – это его игрушка. Он прыгал вокруг неё, а она надрывалась от тьяк-ня, тряслась и пыталась спрятаться за хозяйку.

– Ты можешь его как-нибудь уgomонить? – попросила Саша. – А то моя с ума сходит.

– Да он просто играет. Ему сейчас около полугода, он ещё маленький, – ответила я.

Мне совсем было не жаль Боню. Ибо на носу у меня так и остались маленькие шрамики от её клыков.

– Ничего себе маленький! Да твой конь в двадцать раз больше моей Бони! – воскликнула она.

Дружок тем временем придавил Боню лапой, та завизжала и пораженчески легла на спину, разыгрывая сердечный приступ.

Мне пришлось всё-таки оттащить своего четвероногого защитника от истеричной собачонки и надеть на него намордник. Но в душе я была довольна, что Дружок отплатил Боне за причинённую мне год назад боль. Вот как тут не поверить в судьбу?

Парням удалось развести костёр только к вечеру, когда ва-лежник немного подсох и смог загореться, щедро облитый «зажигайкой».

В одном котелке у нас сварился походный суп, в другом – травяной чай. Вкуснотища.

Атмосфера начала потихоньку налаживаться. Я бы назвала её идеальной, если бы не комары, жужжащие и норовящие облепить лицо.

Ещё мне хотелось, чтобы рядом сейчас сидел Костя, но увы. Романтической бурной ночи в палатке нам не видать...

Ну вот. Как вспомнила про наш несбывшийся медовый месяц, так на душе Бони затыкали. Вот вроде бы окольцованная я, а мало в моей жизни Кости, слишком мало.

Костя! Ау-у-у...

Сытый Ярик тем временем расчехлил гитару и запел сначала о том, что взрослых людей не бывает, потом зачитал авторские экспромты:

Коль ко мне ты будешь ночью

Сексуально приставать,

Съезжу я тебе по морде

И залезу под кровать!

Щекочи меня за пятки

И целуй мои тылы.

Всё равно не улыбнусь я.

Ты вообще-то не смешной.

Не мани меня грудями,

Не заманивай в кровать.

*Завтра утром на работу
Очень рано мне вставать.*

Тут Ярик гаденько так посмотрел на Толика, многозначительно прочистил горло и выдал:

Горю несчастною любовью!

В башке моей одна она.

Нельзя же быть такою тварью!

Ну почему ж ты не моя?

Толик заёрзал и отвернулся. Тема сексуальных приставаний и неразделённой любви для него болезненная. Вроде и хочется, и может, но не с кем... А душа требует любви.

И мне не с кем. Кто бы мог подумать, что пройдут всего сутки, а я дико соскучусь по Косте. Я-то планировала оторваться на природе как следует, а не тосковать по своему порой занудливому мужу.

«Эй, хэй! Приключения, вы где?» – послала я запрос во вселенную.

«Уже летим!» – послышался мне ответ из космоса.

Ночью я засыпала в обнимку с Дружком, не подозревая, как завтра изменится моя жизнь.

Глава 3. Новые горизонты и манящий блеск славы

Утром меня разбудило недовольное потягивание Дружка. Он развернул свою серо-бурую тушку ко входу в палатку и усиленно охранял меня.

Снаружи кто-то ругался. Я расслышала голоса Игоря и ещё какого-то незнакомого парня.

Вот не люблю, когда мне, сонной, растрёпанной и неумытой, приходится показываться на глаза посторонним. Ощущение, будто залезли в мой ящик с нижним бельём, в котором, естественно, царит бардак. Неприятно. Особенно когда на труселях этих гипотетических кружево помято или нитки по шву разошлись.

А весь сыр-бор из-за того, что ночью московские парни утащили валежник из нашей кучи. Видите ли, мы не подписали, что дровишки наши. Каковы нахалы, а! Типа они не видели, что это территория нашего лагеря!

Ярик с Толиком, между прочим, издалека тащили эти ёлки-палки. Даже я, бывшая воровка, не способна на такую подлость.

Ух, чтобы у них наши ветки дымили, как шашка! (Дымовая, разумеется, а не игровая.)

В общем, наши парни отвоевали себе назад часть укра-

денных трофеев, после чего возле моего обиталища и разгорелся нешуточный конфликт.

Дружок выскочил из палатки и затыкал на недруга.

– Воу-воу! Чья дворняга? – брезгливо оскалился носатый блондин.

– Моя, – исподлобья покосилась я на чужака.

– Так убери. Или из пневматики по нему шмальну – сразу заткнётся, – пригрозил он.

Ну, что ж, вот и пришла моя пора защищать Дружка. За своего пса грудью встану.

– Ах ты гнида столичная! А ну пошёл отсюда, не то я сама тебя покусаяю! – набросилась на незнакомца я.

– Эй, Никитос! – позвали этого гада из соседнего лагеря.

– Пф! Ну, рискни, – бросил он мне, надменно усмехнулся и, вальяжно вышагивая, направился к своим.

Кришна-Кришна, харе-харе

Двину я тебе по харе, – напевал себе под нос Ярик, размахивая палкой для костра и косясь на лагерь недружественных вороватых соседей.

На завтрак вся наша честная компания усиленно ела пшеничную кашу, ибо теперь каждый из нас мечтал уделат столичных понторезов на скалолазной трассе.

«В чём сила, брат? – Сила в каше».

День сегодня обещал быть солнечным, тёплым и безветренным. Идеальная погода для восхождения. И для победы. Чьей-нибудь.

Мы столкнулись с противниками на площадке у подножия скалы.

На этот раз я была без Дружка. Пёс остался с Игорем охранять наш лагерь от набегов. А то мало ли. Лагерь у недругов больше нашего, и там есть ребята, которые явно приехали сюда не ползать по скалам.

Толик и Карина выбрали для разминки трассу средней сложности, четверо новичков-первогодок вместе с Сашей отправились к скале для начинающих, а мы с Яриком приготовились покорять самую хардкорную, местами отвесную, тропу.

– Кишка тонка, – бросил нам носатый блондинчик, тот самый, который угрожал моему Дружку.

Дева Мария, Иисус Христос!

Да пробери тебя дростос! – тихо, чтобы услышала только я, пожелал носатику Ярик.

Я прыснула со смеху и мысленно пожелала недругу того же. Говорят, когда молитва коллективная, боженька исполнит её с большей вероятностью. А мы с Яриком – ещё какой коллектив!

– А давайте синхронный старт? – предложил нам приятель носатого, полная его противоположность: черноволосый, голубоглазый, с образцово идеальной внешностью, наподобие Маркелова.

Ух, не люблю я красавчиков. Гады они редкостные. Не

все, конечно, а лишь те, на кого везёт мне.

– Давай, – приняла я вызов.

Мы, тщательно проверив оборудование, начали.

Это была та самая дорожка, на которой я год назад получила камнем в лоб. Как ни странно, я запомнила каждый уступ, каждое особо сложное место. И если ещё одна звезда не загорится у меня во лбу, я сделаю этих заносчивых москвичей как стоячих.

На старте меня опередили и Ярик, и носатик по имени Никитос, и красавчик брюнет.

– Эй, сикалявка, ты выбрала не ту трассу! – насмешливо крикнул мне блондин. – Тебе ниже по склону, к салагам!

Во мне вспыхнула ненависть, и я рванула вверх, как по лесенке. Руки и ноги двигались автономно, подключилась моторная память. Всё моё существо сосредоточилось на восхождении.

Я не слышала комментариев в мой адрес, если они были, – только собственное дыхание. Даже забыла, что мы соревнуемся против столичных хамов. Есть только я, скала и моя победа.

Недаром же я по высоткам за конфетами ползала. Годы форточничества – это уникальный опыт, которого больше ни у кого нет.

На этот раз звезда мне в лоб не прилетела. Хватило и мысленной звезды, которой я наградила себя за нереальную крутость.

Ай да я! Ай да молодец!

Способность воспринимать окружающий мир вернулась ко мне на вершине. Вспотевшее раскрасневшееся лицо ласкал свежий ветерок, мышцы приятно расслабились и немного подрагивали.

Вторым, кряхтя и пыхтя, взобрался брюнет.

– А ты не промах... – выдохнул он и сел на каменную плиту. – Я Артур, а тебя как зовут?

– Наташа, – не очень-то любезно ответила я ему.

Третьим поднялся Ярик.

– Тоже неплохо, – прокомментировал Артур и крикнул товарищу: – Никитос, ты где там застрял?

Но носатик так и не поднялся на вершину. Сорвался, психанул, спустился на страховке вниз и умотал обратно в лагерь. Может, на него подействовал наш с Яриком наговор? Боженьке-шутнику не терпелось исполнить нетривиальную молитву.

– Слушайте, ребята, – обратился к нам голубоглазый красавчик. – Предлагаю вам поучаствовать в одном проекте. Это соревнования скалолазов на скорость, выносливость и мастерство.

– Когда и где? – уточнил Ярик.

– В начале ноября, – ответил Артур.

Мой товарищ махнул рукой и отрицательно покачал головой.

– Я точно пас. Меня в армию заберут, – пояснил Ярик.

Артур вопросительно уставился на меня.

– Я тоже пас, – ответила я.

– Нет-нет-нет, ты не понимаешь! – брюнет подошёл ко мне вплотную, положил руки мне на плечи и гипнотизирующе посмотрел мне в глаза. – Этот проект принесёт тебе деньги, славу и откроет путь в большой спорт. Подумай. От таких предложений не отказываются.

Я скинула его наглые руки со своих плеч. Во-первых, его гипноз на меня не действует. Во-вторых, приближаться и прикасаться ко мне имеет право только мой муж.

– Знаешь, твой приятель грозился пристрелить моего пса, – припомнила я. – Так что никаких общих дел со столичными понторезами.

Я кивнула Ярику, мол, идём вниз, и мы бегом поскакали по пологому склону к подножию скалы.

А вот мой мечтательный девичий разум нарисовал в воображении картинку соревнований, где я – звезда. Зрители мне аплодируют, соперники горько рыдают, а ведущий берёт меня за руку и поднимает её вверх. Победа!

Нет, ну какого хрена, а? Разум, ты совсем того? Разве можно принимать на веру слова каких-то там...

С другой стороны, я достойна победы. Можно даже сказать, создана для неё. Никто же не заставляет меня крутить интрижку со столичным принцем. Только соревнования и ничего личного.

Прошлым вечером я видела, как Артур ездил куда-то на

своей элитной тачке. У него, наверное, всё в жизни лакшери. Слово-то какое модное. Не то что я, вечно влипающая в истории и обожающая своего дворового охранника Дружка.

Нет уж. Лакшери – это не про меня. Нечего мне лезть к богатым.

Я ещё два года назад ползала по помойкам и по форточкам в поисках пропитания. И если бы Костя не поймал меня за попу, когда я пыталась улизнуть из его квартиры, то бродяжничать бы мне до сих пор или киснуть в колонии для малолетних преступников.

Как ни крути, а с богатыми у нас разные пути. Да и Косте, я полагаю, не понравится моё новое знакомство.

Вечером я сама позвонила мужу. Села в уединении на выброшенный на берег топляк. Удобно. И за кустами меня не видать.

– Привет, – так сладко, как только умею, сказала я. Пусть Костя поймёт, что я уже невыносимо скучаю.

– Привет, Наташа, – устало ответил он. – Надеюсь, ты ничего не натворила?

– Я-то ничего, а что у тебя с голосом? – мне показалось странным, что Костя, несмотря на воскресный день, где-то упыхался. Опять что ли Светлана Изверговна повесила на него свой огород?

– Я у мамы в деревне, – подтвердил он мои догадки. – Она заказала грузовик с навозом, а кучу вывалили не на участок, а рядом с забором. Вот я и таскался с тележкой сто раз ту-

да-обратно.

– Ясно, – вздохнула я. Конечно. Чего ещё можно ждать от его мамы? Только навоза. – Я уже соскучилась по тебе. Ты ведь приедешь в следующие выходные?

– Э-э, скорей всего нет, – ответил Костя. – Буду красить дом. Краска снаружи облупилась. Мама сама не справится.

– Но ты же обещал, что следующие выходные мы проведём вместе! – обиженно воскликнула я.

– Наташа, я разрешил тебе поехать и заниматься своим хобби целых две недели! – попенял мне Костя. – А у меня появились дела, и я не могу себе позволить заниматься всякой ерундой!

– Это не ерунда!

– Послушай, я же тебя не заставляю ездить к моей маме и помогать...

– Ещё бы ты меня заставлял! Прошлым летом я две недели горбатилась у неё на грядках, а она мне даже спасибо не сказала! Напомнить, чем в это время занимался ты? – пошла я в наступление.

– Наташа, давай не будем ругаться, – устало попросил Костя. – Из родных у меня осталась только мама, и кроме меня, ей больше некому помогать.

– Я тоже твоя родственница! – напомнила ему.

Мы, блин, только поженились, а уже ругаемся.

– Ох, да это другое. Ты же понимаешь, о чём я тебе хотел сказать.

– Пока, – бросила ему я, отключила звонок и заодно звук на телефоне, чтобы не слышать, если Костя вдруг надумает перезвонить.

Лучше бы я не звонила. Светлана Изверговна наверняка не упускает возможности промывать Косте мозги. Ни теплоты, ни нежности я не расслышала в его голосе. А мы женаты всего месяц.

– Привет, – озёрный пейзаж мне загородил аполлоноподобный Артур.

– Блин... – вместо приветствия проворчала я.

То-то кусты за моей спиной подозрительно шевелились, когда я говорила по телефону. Что за невезуха такая? Опять создатель козыряет своим нездоровым юмором, потешается надо мной.

– Извини, я случайно услышал твой разговор, – сразу признался Артур и, не дожидаясь приглашения, сел рядом со мной на топляк.

– Я не собираюсь обсуждать с тобой свою личную жизнь, – предупредила его.

– Послушай, я в своей жизни встречал много способных и талантливых людей, но ты – это находка. Прятать твой талант от людей – это преступление. А ты почему-то не хочешь показать себя. Вопрос: почему? Потому что родные тебя не поддержат?

Прав, мерзавец. По больному бьёт.

Я не ответила. Сидела, молча уставившись в горизонт, и

мысленно стонала от ощущения вселенской несправедливости. Дело, конечно, не только в отсутствии поддержки от родных. У меня слишком мало информации о соревнованиях и тех, кто их проводит. А вдруг это разводилово?

– Вижу, ты взрослая девушка, даже уже замужем, – кивнул он на моё обручальное кольцо.

– Угу, – буркнула я.

– Так, значит, среди этих клоунов нет твоего мужа? – поинтересовался Артур, кивая в сторону невесты откуда взявшихся и дерущихся на палках Ярика с Толиком.

– Нет, – улыбнулась я. – Он не смог приехать.

– А что ты так рано замуж выскочила? Ведь не по залёту?

– По любви, – ответила ему.

– Понимаю. Первая студенческая любовь, – почесал он подбородок.

– Школьная, – поправила я Артура. Мне ведь в сентябрье идти в одиннадцатый класс.

– Даже так? Ого... Что, прям так сильно полюбили друг друга, что поженились, как только стукнуло восемнадцать?

– Мой муж старше меня, – ответила я.

– Ну, я тоже старше тебя. Мне двадцать пять, но я до сих пор считаю, что не созрел для создания семьи.

– Все люди разные, – пожала я плечами. – У каждого своё счастье.

– Счастье лучше всего строить с теми, с кем есть общие увлечения, – высказался Артур. – Как у вас с этим дела?

Неужели твой муж не любит скалы?

– Да всё у нас нормально, – мне уже надоело отвечать на расспросы.

– Ага, нервничаешь, – поддел он. – Да ладно, расслабься. Но на досуге подумай, так ли уж тебе важна любовь к тому, кто не разделяет твои интересы.

«Важна!» – завопило моё естество.

Это ведь с Костиной подачи я пошла в секцию по скалолазанию. Так что нет: он уважает мои увлечения, хоть и не разделяет.

Да, у нас мало общего, но...

Мне порой кажется, что без Костиной любви не станет меня. Я люблю его настолько, что мы уладим любые разногласия, переживём любые трудности, станем понимать друг друга с полуслова.

А пока что мне больно оттого, что полужнакомый человек бросил мне в лицо горькую правду.

Артур. Высокий брюнет с бездонными голубыми глазами. Живописно яркими, а не бледными, как у меня. Можно бесконечно любоваться его пластичными движениями, преисполненными чувством собственного достоинства.

Красив. Великолепен.

Не будь у меня Кости, я бы, может, влюбилась. Или нет. Слишком уж он расчётлив. Этаким сердцеед.

Костя роднее и ближе мне по духу.

Но любовь любовью, а на соревнованиях победить хочет-

ся. Ну, хочется и всё тут! Значит, надо уговорить Костю отпустить меня. Не нытьём так лаяньем. Это будет непросто. Филейкой чую.

– Ладно, извини, – мягко заговорил Артур. – Я не должен был на тебя давить. К тому же мы и не знакомы толком. Расскажи о себе? Как давно ты занимаешься скалолазанием?

– Полтора года, – нехотя ответила я, хотя внимание такого красавчика ко мне – это лестно. Но не показывать же ему истинных эмоций! Зазнается ещё.

– Серьёзно? – как-то чересчур бурно удивился он. – А кажется, будто с пелёнок.

– Ну, мне нравится заниматься, – пожала я плечами. – Поэтому, наверное, и получается. А ты давно? – ради приличия поинтересовалась у него.

– В юности я увлекался скалолазанием, а сейчас езжу в горы чисто для поддержания формы. Сейчас я вышел на новый уровень: устраиваю соревнования по различным видам спорта. Наши игрища даже по ТВ крутят.

– Здорово, – отозвалась я, хотя плохо поняла, что это за игрища.

– У меня свой квест-центр, – похвастался Артур. – И своя квартира в центре Москвы. Сам заработал, – он достал из кармана новомодный смартфон с большим экраном и показал мне фотографии.

– Шикардос, – ради приличия похвалила я роскошную квартиру Артура.

А посмотреть было на что. Я даже в музее такой красоты не видывала, а уж жить во всём этом... Мне было бы страшно.

Артур с гордостью листал фотографии, поясняя, где и за сколько он купил стол в гостиную, сияющую тысячей бриллиантов люстру, резной шкаф и вон то дизайнерское подвесное кресло.

Вдруг после очередного изображения интерьера мне открылась голая задница. До рези в глазах знакомая.

Артур хохотнул.

– Да, кароч, мы, когда ехали сюда, встретили на дороге сруна. Сначала подумали, это наши остановились, хотели спросить, не нужна ли помощь. А потом подъехали ближе, смотрим – автобус чужой, рядом пацан сидит, булками светит. Во ржака! Он как оглянулся на нас, так сразу и сер... хм, – тут Артур вспомнил, что он всё-таки бизнесмен и серьёзный человек, и взял себя в руки. – Я-то просто фоток нащёлкал, а Никитос снял на камеру.

Опять этот носатик противный!

Я старалась держать лицо изо всех сил. Всё-таки нехорошо выдавать своих. Но, как в песне: *«По щеке моей предательски бежит слеза»*... Прости, Толик, но это выше моих сил.

Прикрыв лицо ладонями, я встала с бревна, убежала вглубь перелеска, в аккурат туда, где находилась стоянка, и спряталась за наш автобус, чтобы отсмеяться.

Зря.

Артур последовал за мной, и вдруг, когда он сравнил номер автобуса с фотографии и нашего, его осенило.

– Ты приехала со сруном! – добил он меня.

Всё. Толик меня точно не простит за то, что смеюсь над ним.

«Капали слёзы, капали...»

О, создатель, благодарю тебя за то, что Толик не мой парень! Не то полыхать моим щекам от стыда.

Глава 4. Рисковые забавы

Артур оказался джентльменом и не рассказал друзьям о том, что срун с дороги – это наш парень. А Толик так и не узнал, что соперники из соседнего лагеря – те самые, которые застали его в неловком положении. К счастью, история замялась.

Со вторника грохнула жара, и нашему скалолазному отряду пришлось перекроить распорядок дня.

Подъём перенесли на семь утра, а в восемь мы уже отправлялись на скалы, пока солнце не сильно палит.

В полдень мы, взмыленные и уставшие после тренировки, обедали, устраивали сон-час в палатках, а затем загорали и купались до самого вечера.

В чемодане с ненужными, как мне казалось, мелочами я нашла купальник, резиновые шлёпанцы и молочко для загара.

Костя, конечно, молодец, что всё предусмотрел, но я всё равно на него злюсь. И трубку не буду брать ещё дня три. Пусть думает, что хочет. У меня тоже есть чувство собственного достоинства.

Однако опасно вступать в контры с Костей. У него в заложниках мои цветы, и он запросто может «забыть» их полить. А две недели без полива да в жару – это верная мучительная смерть моих зелёных друзей. Нет, на такие жертвы

я не пойду.

Поэтому вечером вторника, когда Костя позвонил мне, я взяла трубку.

– Чего? – ответила я неприветливо.

– Что за фокусы опять, Наташа? – заругался на меня муж.

– А ты думал, мне захочется с тобой разговаривать после такого? – защищалась я.

– Я хотел приехать, но я не могу разорваться!

– Это я уже поняла. Цветы не забудь полить. Всё, – и я отключила звонок.

Куда уж понятнее: у Кости был выбор, и он выбрал не меня. Кое-кому стыдно перед маман, что женился на малолетней пигалице, вот и бегаёт за оскорблённой мамочкой хвостиком, принеси-подай.

Шиш мне без масла, а не медовый месяц.

Ладно, я понимаю, что мы не стали делать из росписи праздник. Но в чём я облажалась, что мною в открытую пренебрегают?

Эх, худо мне, худо. Не хочу я быть номером два.

Пойду я, что ли, с горя поплаваю. А то с кайфовым дружеским общением у меня в этот раз не задалось. С Сашей нас разъединили собаки: Боня скалилась на нас с Дружком, как на злейших врагов. Толик демонстративно делал вид, что я – пустое место. Игорь с Яриком надули лодку и на вёслах уплыли за раками. С остальными ребятами у меня было только шапочное знакомство.

Я расстелила своё покрывало подальше от наших, чтобы не мешать друг другу.

Вода в озере была холодная, несмотря на стоявшую последние три дня жару. Дабы сильно не мучиться, я с разбегу запрыгнула в воду и, всё ещё вопя от слишком свежих ощущений, поплыла.

Бр-р, будто в прорубь окунулась. Холодища несусветная! Всё, хватит страдать. Надо брать от жизни всё и наслаждаться отдыхом. Лето, жара, пляж... Вечером можно через костёр попрыгать, вдохновить Ярика на новые непотребные стишки. И ни в коем случае не думать о... Пф! Да я уже о нём не думаю.

Я перевернулась на спину и поплыла с закрытыми глазами вдоль берега. На спине плавать легко, можно шевелиться еле-еле и не утонуть. Я бы задремала, вот только вода холодит, не даёт окончательно расслабиться.

Вдруг моя макушка врезалась во что-то мягкое. Я мигом нащупала ногами дно и встала.

– Ой! – вырвалось у меня.

Мягкой преградой оказался зад Артура, игравшего с приятелями в водный волейбол.

– Какие у тебя изощрённые способы познакомиться ближе, – кокетливо улыбнулся он.

– Да больно надо! – фыркнула я и направилась к берегу. Холодно, блин. Всё тело некрасиво покрылось мурашками. Маловато у меня мяса, до костей продрогла.

– Будешь с нами играть? – донеслось до меня из компании столичных мажоров.

– Нет! – крикнула я Артуру.

Ещё не хватало, чтобы этот красавчик вообразил, что я на него запала. Вот угораздило же меня врезаться. Хорошо, что не втрескаться. Ибо любовь ко всяким там идолам – это ещё хуже, чем любовь к Косте, который сначала в упор не замечал моих чувств, а теперь променял меня на Светлану Изверговну.

Нет, Костя, конечно, внешне тоже ничего, но, уверена, у Артурика поклонниц будет побольше раз этак в десять. А конкуренция – это мучение. Мне ли не знать. Так что богоподобные красавчики – это не наш вариант.

Однако этих самых богоподобных аполлонов мои рассуждения мало интересовали.

– Как дела? Чего убежала? – нагло подсел на моё покрывало мокрый Артур.

– Холодно. Хватит с меня на сегодня воды, – ответила я, не поворачивая к собеседнику головы.

– Ты меня стесняешься что ли? – очередной неловкий вопрос.

– Нет. Просто держу дистанцию.

– Зачем? Боишься влюбиться?

– Ты не в моём вкусе, – честно призналась ему.

– Вот и отлично, – очаровательно улыбнулся Артур. – Думаю, мы с тобой подружимся.

– Очень сомневаюсь, – покачала я головой.

Ну, ясно же, к чему он клонит. У него свой шкурный интерес. Такие как он любят только себя и свои денежки, потому что знают, что бабёнки сами набегут – у них на альфа-самцов чуйка.

Эх, какая я прошаренная в этих вопросах стала, аж тошно. А так хотелось верить в сказку...

– Это почему же? – Артурик подставил свой аполлонообразный лик пред мои очи и как бы невзначай коснулся меня своим заледенелым боком.

Каков нахал! За тактильные приёмчики взялся!

Но я и сама не промах, так что на лягушачьи прикосновения не отреагировала. Ибо любовь свою я уже нашла и влачиться за всякими там мачо не собираюсь.

Так то! На том и стоим.

– Мы из разных кругов общества, – объяснила ему предельно бесстрастным тоном. – Ты даже не представляешь, насколько.

– Разве это помеха дружбе?

– Конечно, помеха. Ну, что ты ко мне прицепился? – возмутилась я. – Думаешь, я не понимаю, что ты всё это делаешь ради того, чтобы заманить меня на своё шоу?

– Допустим. Но разве тебе не хочется заработать гору денег честным и, хочу отметить, вполне приличным трудом?

– Гору денег – это сколько? – уточнила у него.

– Сто тысяч.

– Да разве это гора? – ухмыльнулась я. – Так, горсточка...

Не то чтобы у меня в кармане водились такие вот «гор-сточки», но стало даже как-то обидно: это мой-то бриллиан-товый талант стоит сто тысяч?! Да этот жадина опупел!

Всё-таки жизнь с Костей неплохо подняла мне самооцен-ку. Бродяжка Наташа согласилась бы на участие даже ради жалкой тыщонки.

– Сто пятьдесят плюс оплата отеля? – начал торговаться Артур.

– Пятьсот тысяч, и ты покупаешь мне билеты туда-обрат-но и полностью спонсируешь проживание в отеле, – в шутку выдвинула я свои условия.

– Ну, ты загнула! – развеселился он. То ли понял, что я шучу, то ли решил деликатно пойти на попятную.

Тут меня спасли. Две девицы модельной внешности, оди-наковых с лица, остановились напротив моего покрывала.

– Артурик, вот ты где! – прощebetали они. – На кого это ты нас променял? – и красотки инфантильно захлопали рес-ницами.

– Мы с тобой позже договорим, – сказал мне Артур и, об-няв девах за талии, красиво удалился в закат.

Я повернулась набок и уставилась на мокрое пятно, остав-ленное шортами Артура. Сфоткать что ли? Вот станет Ар-турка известным, а я всем буду хвастаться, что у меня есть фото покрывала с отпечатком его задницы. Продам раритет фанаткам за миллион долларов и куплю себе дом, а может,

крутую тачку.

Отвлечься от глупых мыслей меня заставил летящий мне в голову песок. Это Дружок решил вырыть себе яму рядом со мной.

– Фу! А ну пошёл отсюда! – я стянула с себя полотенце и стегнула пса-землеройку по заднице.

Дружку – хоть бы штучка. Он начал рыть ещё более интенсивно, и мне показалось, что я услышала его смех.

Нет, больше в воду я сегодня не полезу. Хватит с меня экстремального купания. И я, собрав свои пляжные принадлежности, вернулась в лагерь.

Игорь с Яриком привезли два ведра раков и восемь рыбин.

Одно ведро с раками сразу же поставили вариться на костре.

Я не смогла на это смотреть. До сегодняшнего дня я не знала, что бедных членистоногих варят живьём.

Уже после, когда мои товарищи вовсю лакомились деликатесом, рачье мясо попробовала и я.

Разочарование века! Убивать зверушек ради чайной ложечки не пойми какого на вкус мяса. Жуть! Чтобы распробовать, надо съесть их штук десять. А это, товарищи, варварство. И любители деликатесов – чистой воды варвары.

То ли дело рыбка. Одну разделал, закоптил, съел – и сыт, как бухгалтерша на корпоративе. Рыба – это вещь!

Похоже, мои друзья тоже поняли, что раками сыт не бу-

дешь, и перекинулись на прочие запасы.

Из ящика, который полвечера охлаждался в озере, достали пиво и хвойную таёжную настойку, и началось веселье.

Ярику хватило пары глотков горячительного, чтобы словить вдохновение. И он, дрынкая на гитаре и пропуская через рваную душу каждое слово, продекламировал:

Моих ты чувств не разделила.

Да как же так, ну ё моё!

Жизнь – хромоногая кобыла,

А я – подстилка под неё!

Стиха про жизнь-жестянку никто не оценил, поэтому Ярик решил сочинить что-нибудь адресное:

Увидали Игорька

У пивного у ларька.

Он сказал: идите в зад!

Пиво – это лимонад!

– Э! – возмутился Игорьь. – Чего сразу про меня-то? Я что ли здесь главный алкаш?

Нашего горе-поэта не пришлось просить дважды. Он обвёл нас цепким взглядом и выдал:

Александра всю неделю

Сладости в три горла ела,

А сегодня ест шпинат

И садится на шпагат.

– А-ха-ха! Откуда ты знаешь? Шпионил за мной? – сегодня Саша была в прекрасном настроении, да и стишок вы-

шел на удивление не обидным.

Ярик, ободрённый похвалой, воспел и моё имя:

А Наташа не скушает,

Толк она в забавах знает:

Лишь состроит томный взгляд –

Все мажоры к ней летят.

– Это точно, – буркнул себе под нос Толик, но его все услышали.

Ага! Следили за мной, значит? Эх, парни-парни, всё об одном думают...

– Ничего ко мне не летит! – отмахнулась я от кружащегося вокруг комарья.

– Ну да, ну да, – усмехнулась Саша, – напомни-ка мне, где работает твой муж?

– Пф! – фыркнула я. – И ничего он не мажор.

Уж кто-кто, а Костя пропахал свой путь с самых низов. Конечно, в чём-то ему повезло, в чём-то его поддерживали родители, но сам он – трудяга, каких поискать.

Никого переубедить мне не удалось. Ребята припомнили мои уединённые разговоры с Артуруриком и не дали мне объясниться. Так я и осталась в их глазах сердцежкой.

Ярик тем временем выдал новый шедевр, после которого все забыли про меня:

Мы пытаемся не ржать,

Но не получается.

Член резиновый ожил,

К Толе направляется.

Толин обиженный возглас и послания нашего трубадура на хутор бабочек ловить потонули во всеобщем хохоте.

Толик размахивал руками, будто его со всех сторон обложили ожившие резиновые предметы из стишка.

Ну, разве можно так серьёзно воспринимать шутки?

Мне представилась щекотливая картина: резиновый агрегат, вообразив себя гусеницей, целенаправленно пробирается к лакомому деревцу, чтобы повиснуть на нём куколкой и превратиться в бабочку. Какая экспрессия! Какой накал эмоций!

Трубадур воспел следующую жертву:

Как-то поутру Карина

Набрала моей урины,

Чтоб исследовать "Пэ Аш"

И сказала: "Ты алкаш"!

– Фу, Ярик! – взвизгнула Карина. – Ты мерзкий! И правда, алкаш!

Ребята снова грохнули.

Всё-таки Ярик у нас – талантище. И как тут самому себя не похвалить?

Ярослав стихи поёт

Про любовь и задницы

Хоть беруши ты вставляй,

А ему без разницы!

Вот это я понимаю: устойчивая высокая самооценка. Как

бы мне заразиться от него здоровым пофигизмом?

Не приехал ко мне Костя? – пофиг на фиг! Живём и кайфуем дальше! Улыбку пошире и не думаем о нём... Не думаем, кому говорю!

Лёгкий нестройный мотивчик срывался с гитарных струн, и непристойные стишки лились как по маслу:

Обожрался я горохом –

Перепутал пук со вздохом.

И подобно я ежу

Громко задницей дышу!

– Да ты задрал уже со своими говняными шуточками! Можешь спать про что-нибудь нормальное? – пристыдил его Игорь.

– Легко! – фыркнул артист.

Я буду груди твои целовать,

Я стану жезлом во чреве твоём.

Но я в френдзоне, етить твою мать!

Пойду отрезжу сопернику ч... – горланил Яричек, стреляя глазками в Толика и подбивая его пойти на мокрое дело.

Но то ли нашему пупсику не хватило решимости, то ли он вознамерился утопить горе в таёжной настойке.

В общем, Толик квасил не по-детски.

Эх, Толя-Толя, тяжела твоя доля. Пьянство не сделает тебя мужчиной. Только бухим упоротым пупсиком.

Доска за мною гонится!

За ночь не заплачу!

Оставь меня, паскудница!

Забывать! Тебя! Хочу! – перепел он незабвенный хит Аллы Борисовны.

Ну, у меня вот тоже грудь небольшая. Но чего сразу «доска»? Мне вот, к примеру, буфера помешали бы покорять скалы. Так что каждому своё.

Всё перемешалось в нашем веке.

Выпечку готовит наш берсерк.

Мстительно, гадёныш, улыбается.

Значит, в чебуреках человек.

Любви полны мои куплеты!

Не стихнет обо мне молва!

Да я ваще рубаха-парень,

Влюблённый в самого себя!

Усё! – завершил выступление наш гений слова, дрынкнул гитарой и убрал инструмент в чехол.

Пока все веселились, я тихонечко взяла ведро с живыми раками и выпустила бедолаг обратно в озеро. Пускай живут. А то жаль зверушек.

В этот вечер я всё-таки отвлеклась от ссоры с Костей и забыла про тоску-одиночество. Именно о таком отдыхе я и мечтала. Всё-таки не зря поехала. Правда, я ожидала, что приключений у меня будет побольше. Хотя...

Не накаркать бы.

В пятницу не второй неделе нашего житья-бытья в лагере парни решили взять от жизни всё и изо всех сил наслаждались последними днями отдыха и прекрасной погодой.

Ярик залез на сосну на самом берегу озера и прыгнул. То ли не рассчитал траекторию полёта, то ли не замерил глубину перед прыжком, то ли угодил в корягу...

Открытый перелом голени.

Игорь с Толиком сразу же вытащили друга из воды и доставили к автобусу.

– Я могу отвезти, – сказал Артур, который стал свидетелем происшествия. – Моя машина быстрее. За час до Выборга домчим.

Парни переглянулись и кивнули.

Саше поплохело от вида торчащей наружу сломанной кости. А я всякого навидалась, пока жила в бомжарнике, «гнёздышке». Там у каждого третьего была гангрена на ногах, и это страшнее, чем открытый перелом. Тут хоть можно вылечить, а там только ампутация.

– Я поеду с ним, – вызвалась я, и мне никто не сказал слова против.

Ярика осторожно погрузили в тачку Артура и вручили мне целых три аптечки, чтобы не дала товарищу истечь кровью в дороге.

Раненый вёл себя мужественно, даже пытался шутить, что откосит от армии этой осенью, если перелом окажется сложный.

Артур гнал машину, будто участвовал в гонке. Надо отдать ему должное: до больницы в Выборге он доставил нас за час с небольшим, будто всю жизнь катался по этой трассе.

Ярика немедленно отправили на операцию, а нам сказали, что можно не ждать. После операции пациенту всё равно придётся полежать на больничной койке до отправки в родной регион. Всё как со мной год назад.

Мы с Артуром поехали обратно.

– Надумала что-нибудь насчёт участия в шоу? – снова начал он о своём.

– Ещё нет, – пожала я плечами.

– Завтра мы уезжаем. Пора бы нам с тобой обменяться номерами.

– А твоя девушка не будет мне потом названивать с выяснением отношений? – поинтересовалась я.

– Хороший предлог, чтобы узнать, есть ли у меня девушка, – по-маркеловски пластмассово улыбнулся он. – У меня нет постоянной девушки.

– А как же близняшки?

– Они лишь для того, чтобы потешить самолюбие. Для серьёзных отношений мне нужен кто-то более настоящий, – разоткровенничался Артур.

Опять намёк. Типа девушка я должна подумать, что это он меня считает особенной и настоящей. Ага-ага, так мы и проглотили этот крючок!

– Настоящий – это как? С глубокими моральными прин-

ципами, бездонной душой и большими сиськами? – предположила я.

Артур усмехнулся.

– А с тобой не соскучишься. Теперь-то я понимаю, почему твой муж обратил на тебя внимание, – высказался мой спутник.

– У него не было шанса не обратить, – ответила я.

Действительно. Как тут пройдёшь мимо, когда к тебе в квартиру залезла воришка, да ещё и застряла попой в форточке? Никак. Я о том и говорю.

Номерами мы с мальчиком-красавчиком всё-таки обменялись.

– Ты как хочешь, а я проголодался по старому доброму гамбургеру, – сменил тему Артур. – А то одни бичи, шашлыки да похлёбка на тушёнке, – и скривился, будто отведал помоев.

Неженка.

– А я бы от шаурмы не отказалась... – вслух помечтала я.

Мы заехали на заправку.

Бензин нам залили быстро, шаурму с кофе мне тоже выдали почти сразу, а вот котлета для гамбургера, достатая из морозилки, передавала привет и обещала приготовиться к полуночи.

Мы сидели за столиком, где я с аппетитом поедала шаурму, дразняще постанывая от удовольствия.

– Я тебя шавухой угостил, а ты ещё издеваешься, – глотая

слюну, предъявил мне Артур.

– То-то же! А ты ещё хотел дружить со мной, – кивнула я.

Вдруг входная дверь заправки хлопнула и мимо меня прошёл... Костя!

Что он здесь делает, блин? Он же должен ехать к нам в лагерь по другой трассе! И не сегодня, а завтра.

Кусок вкусной, надо сказать, шаурмы попал мне не в то горло. В считанные миллисекунды я осознала, что, если я сейчас закашляюсь, Костя повернёт голову в мою сторону, и тогда мне несдобровать.

Я пулей выскочила на улицу, в темноту, оставив Артуру в непонятках.

– Ты чего? – вышел он следом за мной.

– Ничего, кхе-кхе, – прочистила я горло. – Открой мне машину.

Шаурму я доедала уже в понтовой ярко-алой Артуровой тачке. Жаль, кофе забыла, пока уносила ноги. Но зато Костя меня вроде как не узнал, и есть ещё шанс скрыть от него, что я катаюсь по ночам с полузнакомым парнем.

Чёрт... Или узнал? Мою чёрную толстовку с нарисованными на спине белыми крылышками мы покупали вместе.

А-а-а!

Через стеклянную стену заправки я видела, как мой спутник за что-то выговаривает работнице, видимо, требуя, чтобы его гамбургер скорее приготовился. Потом Артур пошёл на Костю и между ними завязалась перепалка.

«Трындец! Трындец!» – запаниковал мой внутренний ворчун.

Девичье сердечко затрепыхалось в груди от переживаний за Костю и, главное, за себя.

Филейка напряглась, предчувствуя грядущие неприятности.

Подражаться Косте с Артуром не дали.

Артуру вручили заказ, и он, прихватив со стола мой кофе, вернулся в машину. Он деловито включил свет, чтобы есть не в потёмках.

– Выключи, придурок! – завизжала я, пригибая голову к коленям.

– Эй, ты чего? – не понял он.

– Мужик, с которым ты чуть не подрался на кассе, – мой муж.

– Да ладно! – теперь настала Артуркина очередь давиться, но свет в салоне он, так уж и быть, выключил.

И вовремя. Потому что из заправки вышел Костя. Злющий.

– Вот как хочешь, но гони! – велела я.

– Я же ещё не поел! – возмутился Артур.

– Ничего. Я за тебя съем. Смотри, он уже выехал на трассу! Гони, говорю! – потребовала ещё настойчивее.

Гамбургера мне так и не досталось. Оказалось, наш золотой мальчик умеет рулить даже левой пяткой через спину. И одновременно есть, ага.

И если Ярика Артур вёз быстро, то сейчас мы летели, стремительно нагоняя Костю, который, словно почуяв неладное, тоже ехал нехарактерно для себя быстро.

Ой-ёй...

– Не ссы, моя тачила быстрее какого-то там «мерса», – заверил меня Артур, которого гамбургерами не корми, а дай посоревноваться с кем-нибудь.

Где-то на середине дороги к лагерю Артур пошёл на рискованный обгон. Трасса в этом месте поворачивала, и из-за впереди идущей фуры нам было не видно встречку.

Фурист, которого обгонял мой знакомый, начал сигналить, но напрасно: нас уже вынесло на встречную полосу, а в глаза мне ударил яркий свет ещё одной фуры.

Вся жизнь пронеслась у меня перед глазами. Вон, и крылышки ангельские за спиной у меня очень кстати. У боженьки как всегда специфическое чувство юмора.

Прости-прощай, Костя. Мне как-то неловко помирать в машине с чужим парнем.

Боженька, пусть меня превратит в лепёшку быстро и безболезненно...

Глава 5. Разбор полётов и поездок, или всё тайное...

Боженька не услышал моих молитв.

Перед глазами замелькали колёса фуры, свет фар и трясущийся на лобовом зеркале дурацкий раздражающий ароматический брелок в форме ёлочки и с надписью «sex».

Обе фуры в последний момент съехали правыми колёсами на обочину, освободив нам узкую полоску в середине трассы. Лишь это спасло безмозглого водителя-лихача и меня от превращения в лепёшку.

Это в мультфильме «Том и Джерри» Том чудесным образом «воскресает» из лепёхи, по которой проехали катком, в живого кота. В реальной жизни если уж тебя раскатало, то плачьте родные, готовьте похороны.

А в моём случае боженька-юморист меня уберёт. Так сказать, пощекотал нервишки и разругал ситуацию. В прямом смысле.

– Фух! – выдохнул Артур.

– Ты же нас чуть не угробил, козёл! – завизжала я.

– Ну, умереть вместе с тобой – это не такой уж плохой вариант, – как ни в чём не бывало заулыбался мой спутник.

Кто о чём, а кобель всё о...

– А ничего, что сзади нас едет мой муж? Если он узнает,

что я сидела в твоей машине, когда её зажало между двух фур, то... то... – от волнения я даже не смогла представить, что будет тогда. Наверняка что-то очень и очень нехорошее.

– Да не парься ты. Мы от него уже оторвались. Теперь он нас не догонит, – самоуверенно заявил Артур.

И действительно, мы приехали в лагерь первыми.

Народ не спал, все ждали нас. Даже прожектора включили, чтобы разогнать темноту.

Первыми навстречу новостям выбежали Саша с Игорем.

– Ярика отправили на операцию. Сказали, можно не ждать. Его оставят в больнице, а потом депортируют на родину, – не дожидаясь вопросов, сообщила я.

– Как довели его? – поинтересовалась Саша.

– Нормально вроде бы. Он держался молодцом, шутил всё, – пожалала я плечами.

Все любопытные удовлетворили любопытство и разошлись по палаткам.

Я тоже хотела уйти к себе (как будто никуда не ездила), но Артур остановил меня и подвёл к своей машине.

– Ничего не забыла? – хитро ухмыльнулся он.

– Точно же! – я хлопнула себя по лбу и полезла на заднее сидение забирать свой рюкзак и аптечку, которая была взята из нашего автобуса. – Спасибо.

«Эх, растяпа я, растяпа! Теряю хватку... – поругала я себя. – Потом пришлось бы объяснять, что мои вещи делали в тачке Артурика. Всё. Зарублю себе на носу: никогда больше

не забывать свои вещи! Тем более у чужих мальчиков-красавчиков. Ни за что!»

– А поцеловать в благодарность за помощь? – самодовольно улыбнулся он.

– Вот ещё! Перетопчешься, – заявила я.

«Ишь, выискался нарцисс!» – пробурчал мой внутренний ворчун.

– Ну, я же отвёз твоего переломанного приятеля в больницу. Мне за это полагается благодарность, – настаивал Артур.

– Я кого попало не целую, – фыркнула я.

– О-о... – произнёс собеседник, глядя мне куда-то за спину.

За всей этой суетой я не заметила, как приехал Костя. Он припарковал машину, не доезжая до нашей стоянки, за холмом, и сто метров до лагеря прошёл пешком.

«Как хорошо, что я не стала целовать этого самоуверенного индюка!» – с облегчением выдохнула я, когда, обернувшись, увидела Костю.

Кое-кто, выражением лица похожий на террориста-смертника, со мной даже не поздоровался. Оттеснив меня в сторону, Костя ударил Артура кулаком в нос, выкрикнув при этом:

– Шумахер недоделанный!

Завязалась драка.

«Ой-ёй, что же делать?» – растерялась я, но тут же увидела, что разнимать дерущихся уже бегут Игорь и носатый Никитос.

Рычащих сцепившихся Костю с Артуром растащили в стороны. У Кости разбита бровь и губа, у его противника вся нижняя часть лица залита кровью из носа.

– Да Ярика они в больницу возили, – объяснил Игорь, думая, что причиной драки стала ревность. – Всё, всё, остынь!

Я стояла рядом с Костей и Игорем, прижимая к груди свой рюкзак и аптечку и отчаянно делая невинное лицо.

– Наташа, мать твою, какого чёрта?! – попёр на меня Костя. – Ты понимаешь, что вас чуть не размазало по дороге?

– Так я-то чего? Не я же за рулём была... Я вообще рулить не умею... – пискнула я.

Да, знаю, что я здесь очень даже причём. Но с языка как-то само сорвалось. От страха.

Смотреть Косте в лицо мне было жутко. Всё-таки праведный гнев – это не самая моя любимая эмоция. Особенно, когда я стою тут, вся такая в доску виноватая, а меня отчитывают, как ребёнка.

Возле моих ног тёрся Дружок, радостно подпрыгивая и обнюхивая меня. Ему-то моё возвращение – праздник, а вот мне что-то не весело.

Игорь остался стоять рядом, во избежание новых травмоопасных конфликтов. Ибо Костя своим взглядом-лазером прожигал меня насквозь.

– Хочешь сказать, этот твой приятель не знал, кого обгоняет? – очень не по-доброму спросил Костя.

– Знал... – вздохнула я.

Увы, не вышло скрыть от Кости нашу поездку.

– Я разочарован, Наташа, – процедил он. – Тем, что ты убежала из заправки, думая, что я не замечу тебя. Тем, что ты ошиваешься по ночам с каким-то левым парнем. Тем, что ты пыталась скрыть от меня свои «приключения», как последняя обманщица!

– А как я должна была себя вести? – я поняла, что, если сама за себя не постою, то никто не заступится. – Подойти к тебе и проблеять, типа, прости-извини, этот левый парень мне никто, мы лишь возили Ярика в больницу? И ты бы такой ответил: «А, ну, это всё объясняет!» – я спарадировала Костин голос. – А, может, мне надо было устроить тебе сцену прямо там? Поинтересоваться, какого хрена ты ехал в лагерь не с той стороны? Где ты ошивался, пока меня нет дома? Если у тебя рыльце в пушку, не смей обвинять меня, что я вся такая разочаровательная!

Упс... Кажется, мою тираду слышали обитатели обоих лагерей. Вон, головы зрителей торчат повсюду из кустов.

Ну и пусть.

Зато Игоря мигом сдуло, когда тот понял, что драка произошла не по причине слепой ревности. Остальной народ тоже отошёл от нас подальше, даже побитый жизнью Артурик.

Я забросила вещи в предбанник палатки и ушла к озеру – проветрить мозги. За мной увязались верный Дружок, комариный рой и зачем-то Костя.

Уже спустя минуту после бегства я поняла: зря. Ибо в тем-

ноте комары с остервенением атаковали меня. Никакого тебе успокоения – сплошное хлопанье себя по щекам, рукам и ногам.

Но, раз уж пошла прогуляться, придётся терпеть.

– Наташа, куда ты идёшь? – спросил Костя.

– Уйди, – нервно ответила ему.

– Нет, пока не расскажешь, что тут у тебя творится, – заявил он таким тоном, что я поняла: и впрямь не отстанет.

– Чего-чего... – вздохнула я. – Ярик прыгнул с дерева в воду и сломал ногу так, что кость вылезла наружу. Артур сказал, что у него быстрая тачка, и он мигом домчит его до больницы в Выборге. Саше поплохело, остальные тоже испугались кровячки и торчащих костей, вот я и поехала с ними. В больнице сказали, что мы можем не ждать, Ярика после операции всё равно оставят в больнице.

– А почему на заправке не призналась? – снова вопрос с неприкрытым укором.

– Растерялась я. Подумала, что ты не поверишь мне и всё неправильно поймёшь, – честно ответила ему. – Мне бы вообще не хотелось, чтобы ты обо всём этом узнал.

– Я бы в любом случае узнал. И на будущее: не нужно ничего от меня скрывать.

– Тогда и ты скажи, откуда ты ехал? – осведомилась я. Очень уж меня тревожил этот вопрос.

– Вызвался смотаться в командировку в Питер на два дня. Сегодня утром завершил дела и поехал к тебе короткой до-

рогой. Хотел сделать сюрприз, – последние слова он произнёс с каким-то особым укором.

– Найди себе кого получше, раз я такая плохая.

В ответ Костя меня схватил, развернул к себе и крепко обнял.

– Я по тебе невыносимо соскучился, а ты... – прошептал он мне на ухо. – Что ж ты такая колючка?

– Какая есть. Я уж и не ждала, что приедешь. Думала, ты окончательно променял меня на свою маму, – немного обиженно ответила я.

– Не говори глупостей, – он разжал одну руку, чтобы отмахиваться ею от комаров. – Пойдём уже отсюда.

И мы ушли.

В палатке при включенном свете я разглядела Костины боевые раны.

– У-у, как он тебя... – посочувствовала я. – Не зря я, значит, притащила аптечку в палатку.

Костя терпеливо выдержал, пока я обработала ему ссадины и наклеила пластырь на уже порядком припухшую разбитую бровь.

– Ну вот, теперь всё точно заживёт, – подытожила я и убрала аптечку.

– Иди ко мне, – Костя сгрёб меня в свои объятия и поцеловал.

– Вообще-то я всё ещё сержусь на тебя, – сказала я, когда поцелуй закончился.

Я до сих пор чувствовала себя немножко брошенной. После бурного развития наших отношений весной всё как-то поутихло и вернулось к суровым трудовым будням.

Даже после свадьбы, вместо того чтобы не вылезать из постели, мы... погрузились каждый в свои дела. Ни тебе отпуска, ни романтики. Только иногда совместные вечера и приступы горячего желания исполнять супружеский долг.

В общем, не ходите, девки, замуж.

– Ох, Наташа, я с тобой поседею... – тяжело вздохнул Костя.

– А вот и нет! Ты начал сесть ещё до меня.

– Ну а ты успешно завершаешь превращение меня в пепельного блондина. Меня чуть удар не хватил, когда этот петух напыщенный сунулся прямо под фуру. Наверняка ты его подгоняла, чтобы приехать первыми, – догадался Костя. – Господи, ты хоть понимаешь, что была на волосок от гибели? – он страдальчески посмотрел мне в глаза.

– Да, знаешь, пока как-то не успела осознать, – честно призналась ему. – Я уже простилась с жизнью, а оно вон как вышло...

Меня снова захватили в кольцо рук и опрокинули на разложенный периной спальный мешок.

Дружок, загнанный на ночь в палатку, решил, что он тоже приглашён в кучу-малу, и запрыгнул на нас сверху.

– Ну вот, никакого уединения, – проворчал Костя, сгоняя с себя щенка. – Дружок, в ноги! – скомандовал он.

Пёсель сделал ещё одну попытку присоединиться к нам, но снова был изгнан.

– Я так тебя люблю, – обжигая дыханием, прошептал Костя мне в ухо. – Пожалуйста, не обманывай меня больше.

– Хорошо, но и ты тоже обещай, – выдвинула встречную просьбу я.

– Обещаю, – он снова потянулся за поцелуем.

– У тебя же губа разбита. Тебе же, наверное, больно...

– Когда целую тебя, боль проходит, – ответил он мне в губы, но после поцелуя отстранился и лёг на спину.

– И всё? – удивилась я.

– Что-то я сегодня перенервничал, – объяснил Костя. – К тому же рядом палатки и негде принять душ.

– Ну, ладно, – устало зевнула я. – Я всё понимаю: старость – не радость...

Костя в отместку ущипнул меня за филейку и скомандовал:

– Спи давай, ребёнок.

Утром, не успела я разлепить глаза, на меня напали. Кто-то решил доказать мне, что и в старости иногда случаются радости в виде свежих огурчиков.

Костины руки проворно и без спроса стягивали с меня белё под пледом, а я лишь лениво сонно постанывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.